

ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ У К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Анализируются гипотеза триединого развития, философские идеи К.Н. Леонтьева и его отношение к социально-историческим реалиям XIX в., философии истории, культуры и будущему России. В этой связи особую значимость приобретает анализ публицистики, автобиографических материалов К.Н. Леонтьева, полемики, переписки, посвященных осмыслению философии и процесса культурно-исторического развития.

Ключевые слова: византизм; культура; православие; развитие; Россия; прогресс; исторический процесс.

В настоящее время особую актуальность и важность приобрели, прежде всего, идеи представителей консервативного направления в России, так как именно в их трудах были рассмотрены проблемы и особенности исторического развития страны, выбор пути социально-экономического развития, вопросы славянской самобытности и национального самосознания общества. В истории русской философской мысли консервативные тенденции обозначились в мировоззрении К. Леонтьева, исторические построения которого имели романтическую направленность и были тесно связаны с религиозной константой. В его творчестве были поставлены многие актуальные проблемы, в том числе вопрос об отношении России к Европе и Востоку, а также различные социально-политические вопросы, изложенные в его публицистике. В сочинениях К.Н. Леонтьева мы имеем дело со своеобразной консервативной философией истории и культуры. Круг рассматриваемых проблем философии истории был связан с гипотезой триединого процесса развития. Исходной точкой размышлений была судьба России как на первоначальном этапе её развития, так и её перспективы.

Тема развития в философии К.Н. Леонтьева является одной из ключевых, вокруг нее велись острые дискуссии в отечественной религиозно-философской мысли. В. Розанов писал: «Учение Леонтьева о фазах всякого развития, всякой истории, всякого прогресса, взятое им практически из медицинских наблюдений, из фазисов просто “жизни” и “смерти” под глазами мудрого врача, и перенесенное затем великими эстетическими порывами и глубокой филантропией, бесконечной любовью к человеку, бьющемуся на земле в узах жизни и смерти – это учение есть корень “всего Леонтьева”, всех его отрицаний и утверждений, его политики и монашества» [1. С. 412]. Н. Бердяев в своем очерке «К. Леонтьев – философ реакционной романтики» отмечал, что в тесной связи с учением об органическом развитии стоит его теория национальных типов и национальной миссии России. Все нации Европы, все культуры Запада подошли к страшному пределу, вступили на путь органического разложения и смерти, «цветущая сложность для них в прошлом, в эпохе Возрождения» [Там же. С. 218]. В контексте этой темы осмысливались особенности отечественной культуры, русского национального самосознания, а также исследовались взаимодействия философствования России с философскими идеями, концепциями Запада и Востока.

К.Н. Леонтьев пытался рассмотреть всю историческую эволюцию человечества с точки зрения особой естественно-исторической гипотезы триединого процесса развития. Для него была важна естественно-историческая основа для перехода к истории, которая дает ему объективные, доступные наблюдению признаки развития. Розанов считает, что именно Леонтьев первым в России из числа философов-консерваторов начал историческую летопись, в которой отражены его взгляды на прошлое и будущее России, её национальное своеобразие и европейское влияние. Розанов писал: «Он первый понял смысл исторического движения в XIX веке, преодолел впервые понятие прогресса, которым мы все более или менее, движемся, и указал иное, чем какое до сих пор считалось истинным, мерило добра и зла в истории» [1. С. 37].

Наиболее полно и глубоко теоретическая часть гипотезы триединого развития анализировалась не только в его философском трактате «Византизм и славянство», но и в других сочинениях, включая статьи и публицистику, где сам процесс развития рассматривался в соотношении с вопросами культуры, государства, а также исторического развития России и Европы. Следует отметить, что в совокупности все публицистические статьи данного периода, заметки, корреспонденция, дипломатические документы, составленные самим Леонтьевым, а также его письма и художественные произведения расширяют представления К.Н. Леонтьева о западном прогрессе, о его геополитических проектах, связанных с Грецией, о Восточном вопросе, религиозно-культурной жизни России и многом другом. Ценность этой совокупности источников заключается в том, что они представляют во взаимосвязи деятельностной и «осмысливающей» аспекты жизни философа. К. Леонтьев глубоко проникал во внутреннюю диалектику общественного процесса.

Философ задается вопросом: что такое процесс развития, выражением которого служит историческая жизнь всех народов, и отвечает: «Присматриваясь ближе к явлениям органической жизни, из наблюдений которой именно и взялась эта идея развития, мы видим, что процесс развития в этой органической жизни значит вот что: постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой – от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений.

Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства.

Так что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях есть высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством» [2. С. 88]. Этому закону подчинены целые культурные миры, а также государственные организмы. Они проходят три периода: 1) первичной простоты; 2) цветущей сложности; 3) вторичного смесительного упрощения. Эту триаду Леонтьев рассматривает как естественно возникшую иерархию, объединяет понятием развития, включающим три системообразующих основания: 1 – человечество, 2 – культуру, 3 – государство или общество как структуры и механизмы социокультурного взаимодействия людей между собой и внешней средой. Любой организм, культурный тип имеет свой индивидуальный жизненный цикл, который включает стадии зарождения, роста, развития и умирания. Такая конструкция, которую Леонтьев строил с целью изучения реального феномена, имеет то преимущество, что она не только позволяет рассматривать современное состояние культурных типов, любых организмов, но и анализировать их историю и предсказывать их будущее. Бердяев считает, что теория Леонтьева есть разновидность органической теории обществ и вместе с тем исторический фатализм, он не признает прогресса а только развитие, эволюцию. «Ему нужно было во что бы то ни стало отстранить ненавистную идею всеобщего благоденствия, торжества правды и счастья на земле путем освободительного и уравнивающего прогресса» [3. С. 352]. Бердяев считал, что Леонтьев во имя субъективной, страстной, совсем не реальной и ненаучной цели схватился за совершенно несостоятельную органическую теорию развития и умирания наций и государств [Там же. С. 352–353]. Бердяев считал уже установившимся фактом, что натуралистический метод неприменим к общественным наукам, он приводит лишь к фиктивным аналогиям [Там же. С. 353]. Леонтьев исходил из того, что исторический процесс интегрирует в своих формах и свойствах всю гамму тенденций, которые когда-либо были порождены в ходе общественного развития и которые возникали и исчезали, соединяясь и переплетаясь друг с другом. Из этого следует что исторический процесс развития по своему характеру антиномичен. Леонтьев приходит к выводу о том, что эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития [С. 97] Этому закону подчинены не только целые организмы, но и все органические процессы, и все части организмов, одним словом, все органические явления [Там же. С. 89]. Рассматривая что-либо развитое (органически сложный и единый процесс) или живое, цветущее тело (сложный и единый организм), он считал, что разложению и смерти организма и уничтожению процесса предшествуют упрощение составных частей, уменьшение числа признаков, ослабление единства, силы и вместе с тем смешение. «Все постепенно понижается, мешается,

сливается, а потом распадается и гибнет» [3. С. 91]. Гибнущее становится и однообразнее внутренне, и ближе к окружающему миру, и сходнее с родственными, близкими ему явлениями.

Леонтьев утверждал, что триединый процесс свойствен не только тому миру, который зовется собственно органическим, но, может быть, и всему существующему в пространстве и времени: небесным телам, и истории развития их минеральной коры, и характерам человеческого; он ясен в ходе развития искусств, школ живописи, музыкальных и архитектурных стилей, в философских системах, в истории религий и, наконец, в жизни племен, государственных организмов и целых культурных миров. Он утверждал, что всякий организм умирает, всякий органический процесс кончается, всякий революционный процесс (процесс развития) достигает сперва своей высшей точки, потом спускается ниже и ниже, идет к своему разрешению. Если человечество есть явление живое, органическое, развивающееся, то оно должно же когда-нибудь погибнуть и окончить свое земное существование [5. С. 297]. По Леонтьеву, весь органический мир проходит через три стадии развития: первичной простоты, цветущей сложности и вторичного смесительного упрощения [5]. Человечество как явление органическое подчиняется данному естественному закону развития. Сформулированная Леонтьевым теория развития может встретить два отношения к себе. Тогда следовало бы оценивать все привлеченные мыслителем факты и иные исторические формы культуры оставшиеся вне его зрения. Исходя из такого подхода, встал вопрос о праве Леонтьева гипотетически прилагать к социологии законы органической жизни [1. С. 332].

Мир состоит из ряда цивилизаций, которые представляют собой ограниченные во времени исторические образования, каждое из которых проходит указанные стадии развития, неизбежно приближаясь к концу... «Высшая точка развития», когда цивилизация достигает максимальной степени сложности, является поворотным пунктом, когда развитие заканчивается и наступает стадия «вторичного упрощительного смешения» [5].

В рассуждениях Леонтьева о византизме, в его отношении к славянству и к России в частности есть много оригинальных мыслей. Он настаивает на том, что для существования славян необходима мощь России, а для России необходим византизм, имеющий свои отличительные признаки, свои начала и определенные в истории последствия. Под влиянием византизма жизнь в России разнообразилась, окреп царизм и определилась роль страны в великих по всемирному значению восточных вопросах.

Важным импульсом философско-исторических построений К. Леонтьева является его реакция на состояние европейской цивилизации, свидетельствующее о «разрушительном ходе современной истории». Он откровенно выражает свою позицию как «философскую ненависть к формам и духу новейшей европейской жизни». Свои общие историософские принципы Леонтьев проверяет на Европе, на проблемах России, и здесь в его чисто теоретические анализы привходит «политика», т.е. вопросы о том, что необходимо делать или чего надо

избегать, чтобы не оказаться на путях увядания и разложения. Критикуя Европу, он выдвигает два основных своих тезиса: демократизация и проявление «вторичного упрощения», т.е. явные признаки увядания и разложения. Он писал: «Европе более не в чем завидовать; что ложь дальнейшего демократического и либерального прогресса уже слишком груба, что идея этого прогресса ненаучна, что идеал его неизящен и невысок, ибо всеобщее равенство и всеобщая равноправность убийственны для разнообразного развития духа и свойств людских» [6. С. 224].

Разделяя мнение Данилевского о развитии романо-германского (европейского) культурно-исторического типа, Леонтьев, применяя свою гипотезу, приходит к выводу о том, что современные ему европейские государства находятся в стадии «вторичного упрощения», когда идеалом западных либеральных теорий прогресса становится «средний человек, спокойный среди миллионов точно таких же средних буржуа». Россия же, наоборот, ещё только вступила в стадию «цветущей сложности», только начала создание своей, особой цивилизации, которая, по мнению Леонтьева, должна была явить миру новое «культурное здание». В работе «Средний европеец...» он повторил вслед за Данилевским слова: «Россия — глава мира возникающего; Франция — представительница мира отходящего». Здесь же, развивая еще одну мысль Данилевского, Леонтьев пишет о том, что гораздо позднее явится и будет развиваться в работах евразийцев: «...географически говоря, Европы такой особой нет, а вся эта Европа есть не что иное, как Атлантический берег великого азиатского материка, великий же смысл слова Европа есть смысл исторический, т.е. место развития или поприще особой, последней по очереди культуры, сменившей древние предыдущие культуры романо-германской». По мнению Леонтьева, «Россия не просто европейское государство, она целый особый мир...». Но мир, попавший под влияние Европы, впитавший не только культурные ценности, созданные в период «цветущей сложности», но и заразившийся разрушительными устремлениями «дряхлеющего Запада». При этом Леонтьев отдавал должное великому прошлому этой Европы: «В жизни европейской было больше разнообразия, больше лиризма, больше сознательности, больше разума и больше страсти, чем в жизни других, прежде погибших исторических миров».

Являясь сторонником «византизма», т.е. унаследованной от Византии твердой монархической и религиозной власти, опиравшейся на жестко иерархическое строение общества, он стал создателем оригинальной теории развития. Свою концепцию Леонтьев называл органической, а о методе ее говорил как о перенесении идеи развития из «реальных, точных наук... в историческую область». Исторические «организмы» — общественные, государственные, культурные — рассматриваются по типу организмов биологических, и развитие их оказывается подвержено «естественным» законам созревания и расцвета (период «цветущей сложности», который для каждого государственно-социально-культурного организма есть его эстетическое состояние), а затем старения и умирания (период «вторичного смесительного упро-

щения») [1. С. 112]. Натуралистический детерминизм в объяснении хода истории и преобладающая эстетическая оценка ее явлений характеризуют, таким образом, исторически-культурную идею Леонтьева. Вслед за Данилевским она явилась русским предвестием «морфологии культуры» О. Шпенглера в XX в.

В генезисе историософских воззрений Леонтьева большое значение имел тот факт, что он был натуралистом. Когда в его сознании окончательно сформировалась идея «триединого процесса», то это было простым перенесением на историческое бытие его воззрений как натуралиста. В нем было необходимое для разрешения проблемы развития сочетание глубокой философской мысли со взглядом натуралиста, что в целом отражало интеллектуальные интересы философа. Он прошел естественно-научную школу, в ней выработались навыки его мысли, и он навсегда остался натуралистом по складу своего мышления. Натурализм Леонтьева был одним из определяющих элементов его духовной жизни, он связывался с его эстетизмом, а позднее — с его религиозностью. Он остался анатомом, физиологом и патологом человеческого общества и пользовался методом аналогии, сравнивая процесс упрощительного смешения в общественной жизни с процессом болезни [6. С. 37; 7; 8]. Согласно Леонтьеву, идея развития перенесена в историческую область из точных наук и представляет собой сложный процесс, в котором отражаются явления «органической жизни». Он отмечает что высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединенная неким внутренним единством [3. С. 88]. Для своей теории реакционного процесса Леонтьев подыскивает quasi-научное обоснование в своем учении об историческом развитии: исторические народы, обладая определенной продолжительностью жизни, проходят состояние первоначальной простоты, цветущей сложности и вторичного или упрощительного смешения. С. Булгакова отмечает, что Леонтьев дорожит как научным открытием этой не лишенной проницательности, но и крайне грубой и биологически упрощенной схемой и сравнивает ее с учением Спенсера и др. Подобно Спенсеру, К. Леонтьев пытается найти форму органического развития общества. Спенсера он не знал, когда писал «Византизм и славянство», но впоследствии прочел и признал, что у них общая исходная точка зрения. Булгаков в статье «Победитель-Побежденный» писал: «Какова бы ни была научная ценность этой гипотезы, следует отметить, что она насквозь позитивна и ничем не связана с религиозным мировоззрением Леонтьева, хотя сам он готов находить в ней особую близость к православию» [1. С. 383].

С другой стороны, такой знаток воззрений Леонтьева, как Розанов, охарактеризовал его историософские взгляды как «эстетическое понимание истории» и отметил, что «естественно-историческая основа, на которую становится Леонтьев, чтобы потом перейти к истории, чрезвычайно важна в том отношении, что она дает объективные доступные наблюдению признаки развития» [4. С. 38]. Сам философ однажды написал: «Эстетика спасла во мне гражданственность», — это значит, что красоты жизни нет там, где

нет иерархической структуры, где нет «силы». Леонтьев обладал несомненным интересом к политической стороне в истории.

Розанов в письме к Н.Н. Страхову писал: «Леонтьева я понимаю: я разделяю его главную мысль, что упрощение и смешение разнородного есть разложение, а усложнение и выделение особенного есть развитие. Ведь все остальное вытекает у него из этой мысли; она проста, и странно, что никому не приходила в голову, а при ней совершенно изменяется

взгляд на все дела Европы» [9. С. 259]. Относительно Леонтьева, у него определение развития и разложения просто и очевидно. «Он как будто из общеизвестных аксиом (органические категории) построил теорему – такую, которая охватывает и до того объясняет историческую жизнь, в особенности нового времени... Про себя могу сказать, что мои антипатии к многому в текучей жизни стали рациональными, научно обоснованными именно после чтения его книг» [Там же. С. 264].

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев К. Pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. 480 с.
2. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // К. Леонтьев. Поздняя осень России. М.: Аграф, 2000. С. 17–157.
3. Бердяев К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Опыты философские, социальные и литературные. М.: Канон+2002. С. 342–373.
4. Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // К. Леонтьев. Pro et contra. СПб., 1995. Кн. 1. С. 27–123.
5. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство М.: Республика, 1996. С. 112.
6. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли... // К. Леонтьев. Pro et contra. СПб., 1995. Кн. 2. С. 29–169.
7. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев // Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Ч. 1. С. 129.
8. Бердяев Н.А. К. Леонтьев – философ реакционной романтики // Типы религиозной мысли. Париж: YMCA-press, 1989.
9. Розанов В.В. Литературные изгнанники. М.: Республика, 2001. 477 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 24 июня 2015 г.

DIALECTICS OF DEVELOPMENT OF K.N. LEONTIEV

Tomsk State University Journal, 2015, 400, 108–111. DOI: 10.17223/15617793/400/17

Shulgina Liliya A. Kostroma State Technological University (Kostroma Russian Federation). E-mail: lili.shulgina@mail.ru

Keywords: Byzantinism; culture; Orthodoxy; development; Russia; progress; historical process.

The urgent problem of this article is that the evidence of the increased interest in the Russian history philosophy is a return to the philosophical study of traditional Russian philosophers and introduction of ideas developed by Russian philosophers of the 19th and 20th centuries into scientific circulation. From this point of view, it is relevant to investigate the philosophical doctrine of K.N. Leontiev as a representative of the religious-idealistic trend of Russian philosophy of the 19th and 20th centuries, to review the historical-philosophical, journalistic and scientific literature. Leontiev was one of the first representatives of the "new religious consciousness" to formulate his own opinion on political and social aspects of development based on the historical and religious tradition of Russia. The development problem demanded specific assessment of the contemporary Russian spiritual culture and social-political, cultural and historical realities from K.N. Leontiev. The present research subject is K.N. Leontiev's hypothesis of triune development that most adequately reflects the recurrent idea of the Russian history philosophy connected with the comprehension of Russia's historical fates. The historical and philosophical aspect of his development hypothesis in relation culture and state problems along side with the Russian and European historical development problems are also investigated. The value of this subject and the sources is that they present the interrelation of the active and "comprehending" aspects of the philosopher's life. K. Leontiev deeply penetrated into the inner dialectics of social development, which reflected his intellectual interests as a whole. The philosopher mostly emphasizes the structural and theoretical significance of his hypothesis. It should be stressed that Leontiev's hypothesis of triune development is fundamental in his works, and has a universal significance. The general sense of the development dialectics is connected with tendencies of Russian historical processes and with the implementation of the Orthodox-conservative ideals and principles associated with the Byzantine idea. Reconstruction of the development hypothesis, according to K.N. Leontiev, is correlated with organic, social-political and spiritual spheres. It is significant that the development hypothesis is a result of a complex way the thinker developed his personality and world outlook. Leontiev's philosophical works and, particularly, his hypothesis of triune development had positive assessment in the works of Russian philosophers of the 19th and 20th centuries, e.g., N.A. Berdyaev, V.V. Zenkovsky, V.V. Rozanov and others.

REFERENCES

1. Leont'ev, K. (1995) *Pro et contra*. Book 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. (In Russian).
2. Leont'ev, K.N. (2000) Vizantizm i slavyanstvo [Byzantium and the Slavs]. In: Leont'ev, K.N. *Pozdnyaya osen' Rossii* [Late autumn of Russia]. Moscow: Agraf.
3. Berdyaev, K. (2002) Leont'ev – filosof reaktsionnoy romantiki [Leontiev – philosopher of reactionist romance]. In: Sapov, V.V. (ed.) *Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye* [Experiences: philosophical, social and literary]. Moscow: Kanon+.
4. Rozanov, V.V. (1995) Esteticheskoe ponimanie istorii [The aesthetic understanding of history]. In: Leont'ev, K. *Pro et contra*. Book 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
5. Leont'ev, K.N. (1996) *Vostok, Rossiya i slavyanstvo* [East, Russia and the Slavs]. Moscow: Respublika.
6. Berdyaev, N.A. (1995) Konstantin Leont'ev. Ocherk iz istorii russkoy religioznoy mysli... [Konstantin Leontiev. Outline of the history of Russian religious thought...]. In: Leont'ev, K. *Pro et contra*. Book 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
7. Berdyaev, N.A. (1991) Konstantin Leont'ev [Konstantin Leontiev]. In: N.A. Berdyaev o russkoy filosofii [N.A. Berdyaev on the Russian philosophy]. Pt. 1. Sverdlovsk: Ural State University.
8. Berdyaev, N.A. (1989) K. Leont'ev – filosof reaktsionnoy romantiki [Leontiev – a philosopher of reactionist romance]. In: Berdyaev, N.A. *Tipy religioznoy mysli* [Types of religious thought]. Paris: YMCA-press.
9. Rozanov, V.V. (2001) *Literaturnye izgnanniki* [Literary exiles]. Moscow: Respublika.

Received: 24 June 2015